

Игорь Кон

Мальчик — отец мужчины

Серия «Диалог»

Новая работа Игоря Кона развивает идеи, изложенные в его бестселлере «Мужчина в меняющемся мире». В конце XX в. человечество неожиданно обнаружило, что самым слабым звеном современного воспитания являются мальчики: они больше болеют, хуже учатся, чаще совершают преступления и рискованные поступки. Какова природа мальчишества как социокультурного явления? От чего зависят присущие или приписываемые мальчикам свойства? Всегда ли они одинаковы? Каково реальное положение мальчика в современной семье, школе и социуме? Каким он видит себя и свое тело? Как формируются и реализуются мальчишеские представления о мужественности? Каково приходится мальчикам, которые не могут или не хотят соответствовать предлагаемому нормативному канону? В каком направлении развивается современная гендерная педагогика? Обобщая данные мировых междисциплинарных исследований, ученый не дает педагогических рецептов, но его книга необходима каждому, кто готов думать над этими вопросами.

*Посвящается всем настоящим,
бывшим и будущим мальчикам,
похожим и непохожим на автора.*

К читательницам

Суть жизни не в том, чтобы поднять самую большую тяжесть, но в том, чтобы поднять самую большую из посильных тяжестей.

Лидия Гинзбург

Название этой книги — перевод знаменитой строки английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта «The child is father of the man» (1802). *The child* (ребенок) может быть как мальчиком, так и девочкой, а *man* обозначает не только мужчину, но и человека. Но стать «отцом» кого бы то ни было девочка не может, поэтому мой перевод абсолютно точен. Каков смысл этой метафоры и какие за ней скрываются проблемы?

В любом словаре мальчик определяется как ребенок мужского пола. Казалось бы, тут нет ни малейших неясностей. Но содержательно мальчика определяют преимущественно отрицательно: с одной стороны, он «недевочка», а с другой — «немужчина». И то и другое вроде бы ясно, но стоит нам перейти от отрицательных определений к положительным, как возникают вопросы.

Чем и насколько мальчик отличается от девочки?

Акушерке, которая первой определяет пол новорожденного, достаточно взглянуть на его половые органы. Но в действительности биологический пол и тем более его социальный эквивалент гендер^[1] — сложные явления, их компоненты и признаки формируются в процессе индивидуального развития неодновременно и не всегда соответствуют друг другу. Пока речь идет о репродуктивном поведении, продолжении рода, мужское и женское начала взаимодополнительны и альтернативны — одно или другое, но в большинстве других свойств, отношений и сфер деятельности они относительны и даже проблематичны. О каких бы телесных (соматических), психических или поведенческих «мальчиковых» свойствах мы ни говорили, необходимо уточнить:

а) насколько велики и всеобщы предполагаемые различия, является ли данное свойство, способность или деятельность исключительной прерогативой мальчиков, или оно типично преимущественно (насколько?) для них, или сама по себе данная черта гендерно-нейтральна, а степень ее

распространенности у разнополых детей зависит от каких-то других (каких именно?) факторов;

б) можно ли зафиксировать эти особенности объективно, или это всего лишь стереотипные образы массового сознания;

в) как эти свойства изменяются с возрастом ребенка;

г) как соотносятся представления мальчика о себе и своей идентичности (образы Я) и те образы (имиджи), которые он предъявляет другим (представляемое, изображаемое Я).

Чем меньше человек знает, тем увереннее его суждения. Рассказывают, что однажды в трамвае человек пожаловался на зубную боль, и все пассажиры наперебой стали ему советовать, как от нее избавиться. Единственный, кто промолчал, был зубной врач, который точно знал, что зубы болят по разным причинам и универсальных методов лечения не существует.

С половыми различиями дело обстоит точно так же.

Кто не знает, что мальчики и девочки писают по-разному? Наличие пениса позволяет мальчикам писать стоя, это даже создает своеобразную эстетику. По выражению известной американской писательницы Камиллы Палья, «мужское мочеиспускание — своего рода художественное достижение, кривая трансцендентности. Женщина просто увлажняет почву, на которой она стоит, тогда как мужская уринация — своего рода комментарий... Кобель, помечающий каждый кустик на участке, — это уличный художник, оставляющий при каждом поднятии лапы свою грубую подпись» (Paglia, 1990. P. 20–21).

Недаром мальчики часто соревнуются, чья струя сильнее:

Вот команда: враз мочиться;

Все товарищи в кружок!

У кого сильнее струится

И упруже хоботок.

М. Кузмин. «Купанье»

В этих соревнованиях присутствуют два типичных мужских мотива — соревновательность и потребность в достижении, а также их естественная производная — исполнительская тревожность: «А как это у меня получится?»

Казалось бы, девочки на такое анатомически неспособны. Но когда культуролог С. Б. Борисов попросил студенток шадринского пединститута описать свой детский опыт, нашлись девушки, которые рассказали, что в детстве они тоже соревновались с подругами — у кого струя сильнее (Борисов, 2002). Конечно, это не отменяет половых различий: то, что у мальчиков массово, у девочек — редкое исключение, возможно

связанное с какими-то индивидуальными особенностями. Тем не менее, это обязывает к осторожности в обобщениях.

Чем и насколько мальчик отличается от взрослого мужчины?

Согласно периодизации жизненного пути, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), человек считается ребенком до 18 лет. Внутри этого периода выделяется несколько стадий или этапов развития: младенчество (от рождения до 2 или 3 лет), раннее детство (от 2–3 до 6 лет), среднее детство (от 6 до 12 лет), подростковый и юношеский возраст (от 12 до 18 или 19 лет). Однако их границы проблематичны. О каком же мальчике мы говорим — о младенце, маленьком ребенке, подростке или о юноше? И что, собственно, значит — «стать мужчиной»? То же самое, что «стать взрослым», или что-то еще? Психологические исследования показывают, что разные свойства и способности (умственные, эмоциональные, волевые и т. д.) имеют неодинаковые траектории развития, без учета которых ни о каких половозрастных различиях говорить нельзя. Какие именно свойства мы имеем в виду? Телесные, соматические характеристики (рост, вес, гормональный баланс)? Или какие-то поведенческие черты и фиксирующие их тестовые показатели? Или представления о том, каким должен быть мальчик данного возраста? Или то, как сами мальчики представляют и показывают себя другим, сверстникам или взрослым?

Все ли мальчики одинаковы?

Среднестатистического мальчика в природе не существует. Одни возрастные свойства в процессе развития закрепляются, становятся постоянными чертами личности, другие ослабевают и даже исчезают. Разные мальчики становятся разными мужчинами. Совпадают ли психологические типы мальчиков и мужские типы? Как вообще соотносятся психологические типы и индивидуальности? Что такое процесс индивидуализации и как он протекает у мальчиков и у девочек? Некоторые психологи утверждают, и не голословно, что мальчики более индивидуальны, чем девочки. Верно ли это, и если да, что из этого вытекает?

Являются «мальчиковые» черты биологически заданными или же представляют собой продукт специфической гендерной социализации, неодинакового воспитания мальчиков и девочек?

Многие характеристики, которые, на первый взгляд, кажутся всеобщими, тесно связаны с нормами конкретной

культуры. Содержание понятия «мальчик» неотделимо от того, как данное общество представляет себе соотношение «мужского» и «женского» и «детского» и «взрослого». Эти нормы преломляются и в детском самосознании.

Все, или почти все, взрослые жили в другом мире, дышали другим воздухом, не таким, как мы, дети. То и дело они были не умнее нас, очень часто у них не было перед нами никакого преимущества, кроме их таинственной власти. Ну конечно, они были сильнее нас, они могли, не получая от нас добровольного повиновения, принуждать нас и надавать нам колотушек. Но разве это было настоящее превосходство? (Гессе, 1987. С. 32).

Мы с братом принадлежали к общности, называвшейся «мальчики», равно как другая общность, например, называлась «утки» (Мориак, 1986. С. 47).

Слова «ребенок» и «мальчик» не просто описывают хронологический возраст, но являются статусными категориями, выражают определенные, но крайне противоречивые социальные ожидания и притязания. Ребенок очень чувствителен к своему статусу, но какому — возрастному или гендерному? Утверждение «Я мальчик» в гендерном контексте звучит гордо, потому что мальчики ставят себя выше девочек, а в возрастном — уничижительно (мальчик — значит, невзрослый).

Обращаясь друг к другу, русские мальчики часто называют себя «мужиками», выражая тем самым претензию на взрослость. Взрослые мужчины нередко называют своих приятелей и сверстников «ребятами», тем самым как бы возвращаясь к временам своей юности, но «мальчиками» они себя не называют, это слово обидное. Напротив, девочки никогда не называют себя «бабами», а взрослые женщины охотно называют себя «девочками». Почему? Для женщин молодость важнее статуса? Или есть другие причины? Проблемы статуса и старшинства возникают не только на макросоциальном, но и на микросоциальном уровне, в рамках отдельной подростковой тусовки. Знание символического мира и культуры детства дает для понимания социального поведения мальчиков не меньше, чем данные генетики или эндокринологии.

Как, насколько и почему групповые свойства и нормативные образы мальчиков изменяются в ходе истории?

Эволюционная биология и основанные на ней психологические и антропологические теории склонны видеть в процессе развития преимущественно реализацию, с теми или иными вариациями, одних и тех же

фундаментальных закономерностей онтогенеза. Напротив, история (в том числе история детства) и культурная антропология (в том числе антропология детства) подчеркивают прежде всего историчность и изменчивость. Разумеется, научный спор не идет по формуле «или-или». Общие закономерности полового диморфизма распространяются и на человеческий род. Сравнение поведения мальчиков с поведением детенышей мужского пола других биологических видов демонстрирует много общего в характере игр, взаимодействия друг с другом и т. д. Еще больше сходств в поведении мальчиков в разных человеческих обществах. Тем не менее, общественные и гуманитарные науки предостерегают против поверхностных обобщений, указывая, что тождественное или сходное поведение (например, силовая возня) может иметь в разных средах и контекстах совершенно разный социальный и личностный смысл. Выдающийся современный антрополог имел все основания сказать, что «любое предложение, начинающееся словами "Все общества имеют...", либо необоснованно, либо банально» (Geertz, 2000. P. 135).

С чьей точки зрения описываются мальчики?

За сменой научной парадигмы часто стоит не столько накопление новой информации, сколько смена субъекта познания. В прошлом, когда наукой занимались исключительно мужчины, мужская модель развития, с одной стороны, абсолютизировалась — мужчины судили обо всем по собственному опыту, а с другой — была слабо отрефлексирована. Принимая собственный жизненный опыт за «естественный» и универсальный, мужчины не замечали его внутренней противоречивости и вариативности. Вопрос «каковы мальчики?» то и дело подменялся вопросом «каким *должен* быть мальчик, чтобы стать *настоящим* мужчиной?».

Женское равноправие и появление исследовательниц-феминисток радикально изменили взгляд на вещи. Жесткая поляризация мужского и женского постепенно уступает место более текучим и гибким «тонким различиям» (термин французского социолога Пьера Бурдьё). Эти сдвиги не могут не проявляться в особенностях гендерной социализации, воспитания и обучения мальчиков и девочек, порождая множество новых социально-педагогических проблем.

Что делать с возрастными и гендерными особенностями, от которых зависит «мальчиковый» характер и статус?

Хорошо или плохо удлинение периода детства? Долгое детство увеличивает время на самоопределение, выбор

жизненного пути, у ребенка дольше сохраняется игровое начало, от которого зависит творческий потенциал личности. Но вместе с тем долгое детство продлевает зависимость ребенка от родителей, тормозит формирование чувства ответственности и задерживает трудовую и общественную самореализацию. Должны ли мы сохранять и поддерживать привычные, традиционные различия между полами, типа «мальчик всегда и во всем должен быть мальчиком!», или, напротив, ослаблять и корректировать их с учетом изменившихся условий? Тем более что сегодня все процессы и явления оцениваются не только с точки зрения интересов абстрактного социума (общества), но и с точки зрения субъективного благополучия конкретных личностей.

Эта книга — результат многолетней работы над проектом «Мужчина в меняющемся мире», главные выводы которого представлены в одноименной книге (Кон, 2009). Но там речь идет о взрослых мужчинах. Между тем ни социальные, ни психологические проблемы маскулинности невозможно понять без учета того, как мальчик становится мужчиной. Этому и посвящена данная книга.

В отличие от «нормальной» психолого-педагогической литературы, которая описывает, что взрослые делают и что нужно делать с мальчиками, меня больше интересует субъектная сторона дела: что мальчики делают сами с собой, друг с другом и прочими людьми.

Подобно книге «Мужчина в меняющемся мире», эта книга является междисциплинарной.

Первая глава, «Мальчишество как социокультурный проект», показывает, что значит «быть мальчиком» в разных человеческих обществах, каковы типичные мальчишеские статусы и идентичности, какими социальными институтами и методами они создаются и поддерживаются, как история мальчиков связана с историей других социально-возрастных групп и т. д. Заниматься историей сейчас немодно, да и какое значение имеют для нас сравнительно-исторические данные о положении и воспитании мальчиков в каких-то архаических племенах или в средневековой Франции? Однако без таких данных вы никогда не поймете, чем современный мир отличается от прошлого и какие традиции сохраняются, а какие нет. Английская аристократическая школа, французский классический лицей, русский кадетский корпус и бурса — учреждения совершенно разные, но уже простое описание их жизни позволит вам почувствовать сходства, различия и проблемы, актуальные здесь и сейчас. Перечитать

под новым углом зрения «Очерки бурсь» и кадетские повести Куприна интересно и поучительно, тем более что эти сюжеты у нас никогда систематически не освещались.

Во второй главе, «Из чего сделаны мальчики?», я перехожу от истории и антропологии к психологии. Она открывается кратким обзором современных теорий гендерного развития, который интересен скорее для профессионалов (некоторые новейшие концепции в России не излагались и не рассматривались), чем для массового читателя, хотя, на мой взгляд, он написан достаточно популярно и удобоваримо. Зато сводка новейших мировых научных данных о специфике умственных способностей и интересов мальчиков и девочек, типичных для них игр и игрушек, эмоций и эмоциональной культуры, агрессивности, любви к риску и факторах их психического здоровья и нездоровья, включая пьянство, курение и наркозависимость, необходима каждому, кого эти темы волнуют.

Третья глава посвящена мальчишеской сексуальности: как соотносятся друг с другом маскулинность и сексуальность, что нового мы знаем о половом созревании и его влиянии на психику и личность подростка, какова динамика современной подростковой сексуальности, как происходит и почему ускоряется сексуальный дебют и, наконец, как влияют на психику мальчиков и юношей гомоэротизм и гомофобия.

В четвертой главе, «Какими они себя видят?», речь идет об особенностях мальчишеского самосознания. Как происходит формирование личности и открытие Я, какое место в системе детских самооценок занимают тело и внешность, у кого — мальчиков или девочек — выше и стабильнее самоуважение, и почему многие мальчики ощущают себя обманщиками и самозванцами?

Пятая глава, «Мальчик в семье», посвящена проблемам современного сыновства: имеют ли сыновья преимущество перед дочерьми, как складываются взаимоотношения мальчиков с родителями и другими членами семьи и как не нужно воспитывать мальчиков?

В шестой главе, «Между нами, мальчиками», обсуждается спонтанная игровая сегрегация мальчиков и девочек, ее возрастные границы и социально-психологические детерминанты, особенности внутригрупповых и межгрупповых отношений мальчиков, их представления о товариществе и дружбе.

Седьмая глава, «Мальчики в школе», открывается критическим анализом школы как социального института,

какое место в ней занимают и как к ней относятся современные мальчики. Особый материал к размышлению «Куда исчез мужчина-воспитатель?» посвящен глобальной проблеме феминизации школы и образования. Детально, на базе мировой педагогической статистики, обсуждается наболевший вопрос: кому, мальчикам или девочкам, благоприятствует современная школа? Впервые в отечественной литературе подробно рассматривается острейшая проблема школьного насилия — буллинг (от англ. *bully* — хулиган, задира) и хейзинг (от амер. *to haze* — зло подшучивать, особенно над новичком; угнетать, изматывать, заставлять силой делать что-то неприятное, бить), а также плюсы и минусы совместного и раздельного обучения.

Последняя глава, «Мальчики в социуме», выводит нас из организованной и контролируемой взрослыми педагогической среды в макросоциальный мир, в котором живут и действуют современные мальчики. В центре внимания стоят молодежные субкультуры, тусовки и группировки, социальные и психологические факторы девиантного поведения и политического экстремизма, положительное и отрицательное влияние на формирование маскулинности физической культуры и спорта, а также гендерных аспектов массовой культуры и Интернета.

В заключении, «Берегите(сь) мальчиков», формулируются теоретические выводы проекта, объясняется, почему именно мальчики сегодня являются слабым звеном социально-педагогического процесса и что получается, если их не любят или недооценивают.

На кого рассчитана книга?

Как бывшему, давнопрошедшему мальчику мне, естественно, хотелось бы, чтобы ее читали мальчики, юноши и молодые мужчины, которым она могла бы помочь разобраться с некоторыми своими проблемами. Увы, современные мальчики мало читают, эта книга покажется им сложной и скучной. Мало надежды и на взрослых мужчин, за исключением профессионалов, читающих книги не для удовольствия, а по долгу службы. Так что доверительного разговора «в мужской компании», по которому ностальгирует едва ли не каждый мужчина, у меня не получится, главными читателями книги окажутся женщины. Но меня это не особенно огорчает.

Во-первых, женщины далеко не так глупы, как думают не самые умные мужчины.

Во-вторых, они значительно больше читают.

В-третьих, они абсолютно преобладают во всех гуманитарных науках и психологии, не говоря уже о педагогике.

В-четвертых, независимо от своей профессии, они живо интересуются мальчиками и мужчинами в качестве их матерей, жен и возлюбленных, не стесняются этого интереса и не требуют, чтобы сообщаемая информация была целиком комплиментарной.

Так что если моя книга поможет женщинам лучше понять мальчишескую психологию, мужчины и мальчики от этого только выиграют.

Как и предыдущие мои работы, эта книга имеет два адреса. С одной стороны, она адресована психологам, социологам, педагогам, специалистам в области гендерных исследований и социальным работникам. С другой стороны, она рассчитана на значительно более массовую аудиторию, включая учителей и родителей.

В принципе, это неправильно. Интересы профессионального и массового читателя не совпадают, то, что одному кажется примитивным, другому непонятно и скучно. Но у меня нет выбора. Многие рассматриваемые в этой книге вопросы в отечественной науке вообще не обсуждались или обсуждались крайне упрощенно. Поэтому я вынужден обращаться к широкому читателю через голову специалистов.

Я не просто рассуждаю о мальчиках, а обобщаю имеющиеся научные данные, но эти данные фрагментарны и противоречивы, разные дисциплины формулируют свои проблемы неодинаково. В одном случае решающее слово принадлежит биологии и физической антропологии, в другом — возрастной физиологии и психологии развития, в третьем — дифференциальной психологии, в четвертом — гендерным исследованиям, в пятом — социальной истории, в шестом — социальной педагогике, и выводы этих дисциплин сплошь и рядом не совпадают. А некоторые проблемы лучше схватываются художественным, чем научным познанием.

Эта книга не учебник, она рассчитана на свободное заинтересованное чтение. Чтобы не ограничивать свободу и стимулировать критическое мышление читателя, в книге использован особый стиль верстки. Основной текст книги набран одним шрифтом, специальные научные данные, теории и факты — другим, авторские размышления, выходящие за пределы эмпирической науки, некоторые чужие мудрые (и наоборот) мысли и афоризмы даны

отдельными блоками. Это дает читателю свободу выбора. Тот, кого интересует лишь общая логика предмета, может читать основной текст, не обращая внимания на статистические данные и рассказы о научных экспериментах, подобно тому, как многие (едва ли не все) мальчишки читают в романах лишь рассказ о событиях, пропуская описания природы. А профессиональный читатель может пропустить лирические отступления и рассуждения, которые сам автор считает недоказанными, спекулятивными, но кому-то именно они покажутся самыми интересными.

Хотя по своему жанру это научно-популярная книга, она основана на изучении огромной литературы, прежде всего — иностранной. Почему иностранной? Отвлеченных «мальчишек вообще» в природе не существует, меня, как и читателя, волнует в первую очередь судьба наших собственных, российских, мальчишек, которых мы знаем и любим. Но все познается в сравнении.

Почти все интересующие меня глобальные социальные процессы появились и достигли зрелости на Западе раньше, чем в России, поэтому изучать их на западном материале легче, чем на русском. Как писал Маркс, анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, а не наоборот. Модное в нашей стране представление, что Россия развивается по своим собственным уникальным законам и при этом указывает путь в светлое будущее остальному человечеству, — всего лишь националистическая иллюзия, за которую нам постоянно приходится дорого платить.

На Западе «мужской» проблематикой заинтересовались значительно раньше, чем мы, научных исследований там гораздо больше, многие из них методически и методологически совершеннее наших, там быстрее обновляется понятийный аппарат, теснее междисциплинарные связи, лучше социальная статистика и значительно меньше идеологических догм и запретов.

Этим определяется и характер научного аппарата книги. Я ссылаюсь не вообще на «литературу по теме», чтобы не обидеть коллег, а только на такие работы, которые а) непосредственно посвящены обсуждаемому, б) отражают сегодняшний уровень социологии, антропологии и психологии развития, в) содержат новые научные данные, г) основаны, по возможности, на больших выборках, метаанализах и лонгитюдах, д) опубликованы в солидных научных журналах. В российских библиотеках этих изданий, как правило, нет, но заинтересованный читатель, при

желании, может связаться с авторами по Интернету и электронной почте.

Книга подготовлена и написана по грантам РГНФ 01-06-00012а («Особенности развития и социализации мальчиков. Социально-педагогический анализ»), 05-06-06042а («Отцовство: социально-педагогическая перспектива») и 08-06-00001а («Телесные наказания в социально-педагогической перспективе») и при помощи Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Осуществленная с помощью Института Кеннана месячная командировка в Вашингтон (в мае 2008 г.) позволила мне ознакомиться с новейшей иностранной литературой по антропологии телесных наказаний, а полуторамесячная командировка в Париж, за счет Франко-Российского центра общественных и гуманитарных наук в Москве и Дома наук о человеке в Париже (в июне 2006 г.) — с французской литературой по истории семьи и детства. В ходе работы над книгой я неоднократно советовался с коллегами по Институту этнологии и антропологии РАН. Огромную помощь своими критическими замечаниями и советами оказали мне В. Е. Каган и М. М. Безруких. А. П. Яковлев подарил несколько ценных иностранных книг, которые я не смог бы достать иным путем. Не могу не вспомнить добрым словом многочисленных зарубежных ученых, безотказно присылавших мне электронные копии своих статей, без которых книга не состоялась бы. Всем этим людям и учреждениям я выражаю свою искреннюю благодарность. За возможные ошибки и недоработки отвечаю только я сам.

Игорь Кон Москва, январь 2009

Глава 1.

МАЛЬЧИШЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

В настоящее время в науках о человеке быстро нарастает интерес к изучению мальчиков и мальчишества как особого социокультурного и психологического феномена. «Мальчиковедение» (boyhood studies) заявило о себе как об автономной предметной области историко-антропологических исследований совсем недавно, в начале XXI столетия, на основе развития, с одной стороны, истории и антропологии детства, а с другой — исследований мужчин (men's studies) и гендерных исследований.

Как всегда, в основе научно-теоретического интереса лежат прежде всего заботы практического порядка. Постепенная, но закономерная утрата мужчинами социальной гегемонии выявила ранее скрытые слабости «сильного пола», причем наиболее уязвимой группой в его составе оказались несовершеннолетние мальчики, подростки и юноши. Мальчиков иногда называют «забытыми детьми», но они все чаще напоминают о себе актами насилия, вандализма, политического экстремизма. Учителя, родители и политики всего мира бьют тревогу.

Канадские специалисты по молодежным проблемам (а Канада одна из самых благополучных стран) говорят, что:

мальчики ответственны за 90 % правонарушений, связанных с алкоголем и наркотиками;

четверо из пяти подозреваемых в совершении преступлений несовершеннолетних — мальчики;

мальчики значительно чаще девочек обнаруживают неспособность к учению, поведенческие расстройства и синдром дефицита внимания и гиперактивности;

мальчики реже девочек оканчивают среднюю школу и продолжают образование в вузе;

мальчики совершают самоубийства в четыре раза чаще девочек;

70 % жертв несексуальных нападений моложе 12 лет — мальчики (Mathews, 2003).

Озабоченность общества положением и судьбами мальчиков стимулирует не только многочисленные публикации в СМИ, но и научные исследования. Хотя все дружно говорят о катастрофической недооценке мальчишеской проблематики, ее библиография исчисляется

многими сотнями. В самой подробной современной библиографии о мужчинах (Flood, 2007) есть специальный большой раздел «Как вырастают мужчины», включающий рубрики «Мальчики и маскулинность», «Школьное обучение мальчиков», «Мужчины учителя и социальные работники», «Матери и сыновья», «Гендер и образование». Особые разделы посвящены отцовству и работе с мальчиками, в последнем есть даже рубрика «Книги для мальчиков». С 2005 г. в Интернете существует созданный голландским антропологом Дидериком Ф. Янсеном специальный библиографический сайт «Мальчиковедение» (Janssen, 2005), насчитывающий 2 448 названий книг, статей и докладов. С 2007 г. под редакцией Майлса Грота и Дидерика Янсена выходит междисциплинарный журнал по изучению мальчишества «ТНУМОС: Journal of Boyhood Studies».

Практические вопросы тесно связаны с научно-теоретическими. Оказалось, что мы плохо знаем, что такое «мальчик» и «мальчишество». Хотя почти (говорю «почти» не потому, что знаю исключения, а просто из осторожности, потому что исключения бывают всегда и во всем) во всех древних обществах существовала жесткая гендерная сегрегация, она не всегда формулировалась четко. Слова «мальчик» и «ребенок» нередко употреблялись как синонимы. Многое из того, что написано этнографами о «детях», молчаливо подразумевает мальчиков, в то же время именно мальчишеская специфика остается в тени.

Поэтому, как и при изучении мужчин и маскулинности, я начну с истории и антропологии, прежде всего — с этимологии слов «мальчик» и «мальчишество».

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ МАЛЬЧИКОМ?

Мы говорим «дети», «мальчики», не подозревая (при всей нашей образованности не подозревая), что слова эти давно затеряли свое множественное число в несчетной россыпи единиц.

Райнер Мария Рильке

Русское слово «мальчишество» не является научным термином и обозначает просто некие приписываемые мальчикам, а порой и взрослым мужчинам свойства: детскость, незрелость, отвагу, легкомыслие. Английское *boyhood* и немецкое *Knabenschaft* — понятия более серьезные. Они подразумевают не столько индивидуальные свойства, сколько социально-культурный, одновременно возрастной и гендерный, статус ребенка мужского пола. Историко-социологическое и антропологическое изучение «мальчишества» предполагает выделение, по крайней мере, трех автономных аспектов:

1. *Положение мальчиков в обществе*, их социальный статус, типичные формы жизнедеятельности, отношения со взрослыми, институты и методы воспитания и т. д.;

2. *Образы мальчиков* в культуре и массовом сознании, соционормативные представления об их возрастных свойствах, критериях зрелости и т. п.;

3. Собственно *мальчишеская культура*: внутренний мир мальчиков, их язык, направленность интересов, игры, общение друг с другом, восприятие взрослого общества, фольклор и т. д.

Ценные указания на сей счет можно найти в этимологических словарях.

НЕМНОГО ЭТИМОЛОГИИ

Хотя половозрастные категории в разных языках существенно различны (Кон, 2003в), а этимология слова «мальчик» и близких к нему слов, таких как «отрок» или «парень», сложна и противоречива (см. Liberman, 2000; Janssen, 2007), в ней всегда присутствуют три оппозиции:

- 1) возрастная — незрелый,
- 2) статусная — несамостоятельный,
- 3) гендерная — недевочка.

Древнегреческое слово *pais* (ребенок или мальчик, множественное число — *paides*) обозначало не только возраст, но и зависимый статус. Так называли не только детей, но и домашних рабов мужского пола или рецептивных партнеров в гомосексуальных отношениях. Латинское *pueg* (мальчик) применительно к взрослому мужчине также звучало презрительно.

Английское *boy* предположительно восходит к зафиксированному в 1154 г. слову *boie* — слуга, простолудин, раб, — происходящему, возможно, от старофранцузского *embuie* — закованный в кандалы, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *boia* — колодки, ярмо, кожаный ошейник. Оно также близко к восточнофризскому *boi* — молодой джентльмен и, возможно, голландскому *boef* — раб (www.etymonline.com/index.php?l=bamp;p=16).

История английских слов, обозначающих мальчика и девочку, свидетельствует, что оба эти слова нередко имели негативный оттенок. Кроме того, они были асимметричными: слово «девочка» гораздо дольше, почти на всем протяжении среднеанглийского периода, сохраняет значение «ребенок», «дитя»; эти ассоциации переносятся и на соотношение понятий «муж» и «жена» (Curzan, 2003). Отголоски этого можно найти в обыденной русской речи: независимо от соотношения их реального хронологического возраста, муж часто называет жену деткой или девочкой, обратное же было бы воспринято как оскорбление.

Немецкое *Der Knabe* (мальчик, паренек) восходит к общегерманскому *knabo* — мальчик, юноша, слуга — и связано со староанглийским *snara* — мальчик, юноша, слуга, старонорвежским *knapi* и голландским *knaap* — юноша, слуга. В средне-верхнегерманском языке *knappe* означало также «молодой господин» и «оруженосец», но в 1215 г. оно уже имело также значение «жулик, мошенник» (www.etymonline.com/index.php?l=kamp;p=2).

Французское *gargon* (от слова *gars*, произносится как га), впервые зафиксированное в 1155 г., обозначало не только ребенка мужского пола, но и человека низкого происхождения. Напротив, благородный мальчик назывался *valet* или *varlet*. Позже оба слова стали обозначать не столько юный возраст, сколько низкий социальный статус (валет — лакей, невысокая карта). В XVI в. слово «гарсон» стало обозначать молодого человека, занимающего низкое

положение на службе, обслуживающего кого-то; официант по-французски и сегодня гарсон. Третье значение слова — неженатый, холостяк (Le Grand Robert, 2001. С. 1204–1205, 1229). В современном французском языке слово *gars* значит «парень», «молодец», «парнишка».

Русское «мальчик» близко к словам «молодой» и «младенец» и обозначает нечто маленькое, недавно возникшее и требующее поддержки. Индоевропейской базой этого корня, по мнению большинства ученых-этимологов, является корень *meld — *mold* — *meldh-*, имевший, вероятнее всего, значение «нежный, кроткий, мягкий». Об этом свидетельствуют восходящие к нему лексемы из неславянских языков: древнеиндийская *mdrdhati* — спадать, ослаблять, *mfdus* — мягкий, нежный, кроткий, греческая */tcdvcov* — изнеженный человек, гот. *mildeis* — кроткий, латинская *mollis* — мягкий, гибкий, верхненемецкая *Malz* — нежный, мягкий, вялый, слабый (<http://subscribe.ru/archive/economics.education.slawianie/200607/22112923.html>).

Слово «ребенок» происходит от древнерусского «робя» (славянское *oge) и первоначально соотносилось с лексемами «работа», «раб», «рабство» (Трубачев, 1959). В славянских языках слова с корнем «робя», «робенок» обычно обозначают не столько маленького человека, сколько человека подневольного. Многие термины, обозначающие ребенка, применялись и по отношению к социально неравноправным слоям населения: челяди, рабам и т. п.

Русское «отрок», которое сегодня обозначает мальчика-подростка, восходит к праславянскому **ot(b)rok* — не имеющий права говорить (из приставки «от» и «реку» (говору)). Отрок — это младший дружинник или слуга, раб, работник, не имеющий права голоса в жизни рода или племени; отрочный, «тот, кому во многом отказывают» (Фасмер, 1971. Т. 3. С. 172–173). Та же взаимосвязь возрастных и статусных черт существует и в слове «холоп» (закабаленный, несвободный человек), которое близко к слову «хлопец» — мальчуган, мальчик, парень — и, возможно, произошло от корня **chol-*, из которого возникло и древнерусское прилагательное «холост, холостый», то есть неженатый, безбрачный.

Слово «молодец», употреблявшееся преимущественно в ритуально-праздничном контексте, подчеркивает не просто половозрастной статус (молодой мужчина), но и бойцовские качества, способность добиться своего в битве или в ухаживании за девушкой — удалый добрый молодец.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru